

Т.Б. Андреева

ПИВО В ОБРЯДАХ И ОБЫЧАЯХ СЕВЕРНОРУССКИХ КРЕСТЬЯН В XIX В.

Пиво, приготовленное в домашних условиях, широко употреблялось на Руси с давних времен. О нем упоминалось в письменных источниках уже в XI в.¹ В памятнике XVI в. “Домострое” определялось, что в доме любого небогатого горожанина должно быть заготовлено пиво на случай прихода гостей. Мартовское пиво (сваренное в марте) и мед должны быть обязательно припасены, если случится “праздник или именины, или свадьба, или родины, или крестины, или по родителям память”².

В XIX в. в европейской части России пиво повсеместно варили на церковные праздники, отмечавшиеся всей деревенской общиной. Оно было обязательным угощением при обрядах жизненного цикла севернорусских крестьян и на различных мероприятиях – новосельях, проводах в рекруты.

В данной работе помимо собственных работ автора³ и многочисленных публикаций XIX и XX вв.⁴ использованы архивные материалы Русского Географического общества (РГО), созданного в 1845 г., и Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (Тенишевского бюро), основанного в 1898 г. в Санкт-Петербурге (ныне они хранятся в Российском этнографическом музее⁵). И те, и другие представляют собой ответы корреспондентов – в основном из местной интеллигенции – на вопросы программ, разосланных по российским губерниям. Эти архивы содержат ценные сведения о традициях пивоварения и употреблении пива в различных обрядах и обычаях населения Архангельской, Вологодской и Новгородской губерний. Вносят некоторые дополнения и этнографические материалы Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК), хранящиеся в Государственном архиве Вологодской обл. (ГАВО).

Особенно много пива варили к свадьбе. Упоминания об этом встречаются во многих ответах корреспондентов Российского Географического общества из Шенкурского у. Архангельской губ. 1854 и 1886 гг., а также Тенишевского бюро из Тотемского у. Вологодской губ. в 1898 г. Пиво употреблялось на свадьбах и в Белозерском у. Новгородской губ.⁶

Традиционный свадебный обряд включал подготовку к свадьбе, свадебный пир и послесвадебный период. На Русском Севере в предсвадебный период совершались такие действия, как *сватовство*, *смотрины невесты*, *рукобитье*, *сговор* или *пропой* (*пропивание*), которые имели различные местные названия; нередко в этих действиях не соблюдалась очередность, они могли произвольно объединяться друг с другом. По сведениям Т.С. Макашиной, по ходу предсвадебных организационных и хозяйственных переговоров родственников жениха и невесты совершалось символическое закрепление их договоренностей, одним из способов которого были взаимные угощения пивом и вином⁷.

Корреспондент РГО Е. Кичигин сообщал, что в г. Тотьме Вологодской губ. жених с родителями, приехав на смотрины, угощал родню невесты. При этом он ставил на накрытый стол *яндову*⁸ сваренного родителями пива и “штоф вина” (водки). Скорее всего, согласие выпить привезенное женихом пиво означало и согласие невесты и ее родни на бракосочетание. После сватания или рукобитья в Шенкурском у. Архангельской губ., в г. Тотьме и в местности Кокшеньге Тотемского у. Вологодской губ. родители жениха и невесты начинали приготовления, созывали родню на свадьбу. Период подготовки к свадьбе мог длиться от одной-трех недель до месяца и более. Одним из наиболее важных дел этого этапа была варка пива. Водка в XIX в. еще не имела широкого распространения на Русском Севере. Например, в Каргополье даже у зажиточных крестьян на свадьбе могли подавать только по две-три рюмки водки⁹.

Рис. 1. а – Ендова. Начало XIX в. Архангельская губ., Пинежский у., с. Кобелево. Дерево. Гос. Исторический музей. Инв. № 64212 / К–1012; б – скобкарь “утка” для подачи пива. XIX в. Вологодская губ., Ракуло-Кокшеньгская вол. Дерево. Там же. Инв. № 67591 / К–1539

Родители жениха и невесты сначала договаривались между собой, сколько необходимо ведер пива заготовить и сколько водки купить, и за несколько дней до свадьбы начинали сами варить пиво. Возможно, в некоторых случаях заказывали приготовление пива за деньги другому лицу. Пиво было нужно не только для свадебного пира, но и во время всего предсвадебного периода. Минимальное количество напитков только для просваток или пропивания невесты (до свадьбы) составляло примерно десять ушатов пива и одно ведро “вина” (водки), а у богатых женихов на просватках было до двадцати ушатов пива и до трех ведер вина. Корреспондент Е. Кичигин сообщал, что в г. Тотьме родители невесты могли условиться со сватом, какое количество ведер пива он выставит на *просватках* (*пропиванье*) невесты. К самой свадьбе, как заметила В.А. Липинская, варили очень много пива – до 200 ведер¹⁰. Такие большие объемы этого напитка было возможно приготовить только на пивоварне.

К свадебному пиву и в особенности к его качеству было особое отношение. Считалось, что если к свадьбе сварят вкусное, хорошее пиво, то жизнь молодых будет удачной и счастливой. Пиво, приготовленное на свадьбу, не давали до венчания пить посторонним людям из опасения, “чтобы не испортили жениха и невесту”¹¹.

В течение предсвадебной недели в селениях по р. Кокшеньге Тотемского у. невеста должна была два раза в сопровождении подруг выходить на пивоварню или *угор* (вершину холма) и причитать. Для каждого из этих мест были разные причеты. В пивоварне невеста обращалась к отцу со словами: “Ты на що жо, мой тятюшко, / Варишь пиво ты пьяное, / Да двоевару-ту хмельную¹²? / Да раньше эк не водилосе, / Да некогда не лучилосе / Во это-то времечко /... Охти, мне да тошнёшенько! / Варит-то мой татюшка / Он не пиво-то пьяное, / Не двоевару-ту хмельную / А все розлуку великую”. Затем невеста брала ковш, зачерпывала воды и старалась залить костер в пивоварне. Иногда невеста подходила к *судну* (чану для варки пива) и толкала его, но присутствующие были уже наготове и удерживали ее. Подружки, причитая вслед за невестой, уходили вместе с ней домой: “...Видно, розлучит пиво пьяное, / Да и двоевара-та хмельная, / Меня молодёшеньку, / С батюшкой да и с матушкой / Да со

всей родней-то сердечною”¹³. Таким образом, невеста, по обычаю, делала вид, что не хочет выходить замуж, но начало варки пива после сватовства – важное обрядовое действие, обозначавшее, что вопрос о свадьбе решен окончательно. Невеста же мешала отцу варить пиво, которое, как видно из причетов невесты, считалось символом разлуки с родными и домом.

Последний день перед свадьбой имел различные названия: *просватки, пропивание невесты, девичник*. По сообщениям краеведов Е. Кичигина и В. Кичина, в г. Тотьме и в Васьяновской вол. Кадниковского у. Вологодской губ. накануне свадебного дня устраивали просватки или пропивание невесты. Жених должен был приготовить к этому дню условленное число ведер или ушатов пива (в зависимости от зажиточности его семьи). Родня невесты приезжала в дом жениха, хозяева встречали их на улице. Сват и жених начинали угощать гостей вином и пивом. Сват подавал каждому гостю, начиная с отца невесты, стакан вина, а жених стакан пива. При этом каждый гость, возвращая жениху стакан из-под пива под его дно подкладывал развернутое полотенце и говорил: “Вот тебе, Фока Ильич, Окулина Кузьминична приказала кланяться, и послала тебе свое рукодельё – утиральничёк”. Это действие имело целью познакомить обе стороны, сблизить их.

Таким же порядком родня невесты принимала семью жениха, а жених знакомился со всеми своими будущими родственниками. Во время того и другого застолья посреди стола с яствами ставилась огромная яндова с пивом, из которой хозяин ежеминутно наливал в медные стаканы и подавал гостям по старшинству. Гости, принимая стакан, привставали со своих мест. Общее “пировство” двух сторон не заканчивалось до тех пор, пока все, “назначенное по-рядь пиво и вино не придут к концу”¹⁴.

Предсвадебное застолье давало возможность попробовать пиво не только родственникам жениха и невесты. Жители деревни – “нахожие” люди (пришедшие со стороны), которым хотелось выпить побольше пива, опорожнив стакан, громко обращались к отцу невесты: “И не ошибся, дедюшка любезный, не ошибся! Що отдаст: Окулину Кузьминичну за нашего Фоку Ильича: парень-от ведь доб (добр. – Т.А.), да и больно доб!”. В ответ благодарный жених кланялся соседям, а гость получал следующую порцию пива. В конце пропивания отец и мать невесты сообщали: “Жених посылает невесте кулебяку и бурак пива”¹⁵.

В районе реки Кокшеньга в Тотемском у. в последний день перед свадьбой невеста опять причитала, вспоминая, что отец уже сварил пиво и следовательно свадьба бесповоротна: “...наварил мне-ка батюшко / Много пива-то пьяново, / Да двоевары-то хмельные...”. В этот же день невеста шла в сопровождении близких подруг в баню. Они брали с собой *туйсок*¹⁶ пива. После мытья невеста обливала пивом из туйска лицо, руки и грудь, так чтобы пиво сливалось обратно в него. Потом это пиво ставили в подполье. Затем к нему еще добавляли воду, хлеб и соль, этой смесью невеста, намылившись мылом, умывалась перед выходом к жениху на девичнике. В день свадьбы во время “вывода” невесты этим “пивом” угощали приборян (участников свадебного поезда жениха). Приборяне догадывались о том, что это за пиво и лишь делали вид, что пьют его, поднося к губам *братыню*¹⁷. Еще раз таким пивом встречали приборян на дворе в день *хлибин*, т.е. приезда на пиршество новобрачных с гостями к родителям молодой¹⁸. В селениях по Верхней, Средней Кокшеньге и Уфтыге в Вологодской губ. знахарка после того, как невеста пропарится, вытирала платком с нее пот, капли пота вливали жениху в пиво, “подсахаривали” его. Все это делалось, чтобы “связать молодых нерасторжимой связью”, т.е. пиво, смешанное с потом невесты, выполняло функцию объединения молодых. В Белозерском крае Новгородской губ. перед свадьбой отец, брат и подруги провожали невесту в баню с пивом, вином и пирогами¹⁹.

В Кокшеньге обычай требовал, чтобы невеста начинала причитать в самом начале девичника, обращалась к отцу: “...принеси ко мне, батюшко, / Много пива-то пьяново, / Да двоевары-то хмельные, / да не ведром, не братынечкой, / А целой бочкой дубовою! / Не жалий-ко, мой батюшко, / Это мое заработное / Мое заслужёное:

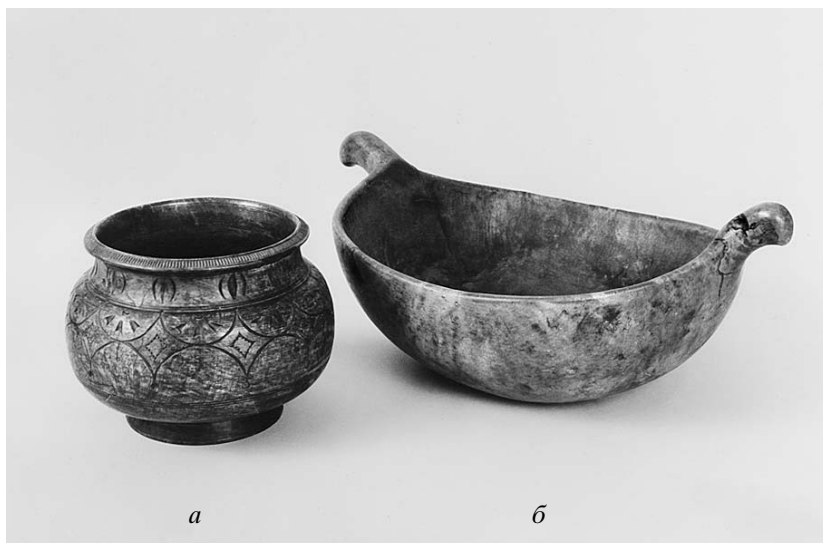

Рис. 2. а – братина. XVIII–XIX вв. Русский Север (?). Дерево. Гос. исторический музей. Инв. № Ш–2479 / Ш–1929; б – скобкарь (корневой). Конец XVIII в. Архангельская губ. Пинежский у., д. Великий двор (Великодворская). Дерево. Гос. исторический музей. Инв. № 64212 / К–1008

/...Надо мне, молодешеньке, / Упоить да употщивать / Всю родню-ту сердечную...”. После этих слов приносили пиво, наливали его в братыню и подавали невесте. Она угощала пивом всех присутствующих. Во время девичника к невесте приезжал жених, он привозил бочку пива и угощал им всех, потом бочка оставалась у родных невесты. Сват и сватья начинали подступаться к невесте с пивом и вином (водкой). Невеста причитала и отказывалась пить: “Да я обвет-от положила / Не пить пива-то пьяново...”. В данном случае обет невесты не пить пиво и водку (водка, видимо, является уже более поздним вариантом) означал обещание никогда не выходить замуж. А согласие невесты после уговоров отца выпить пиво было равнозначно согласию на замужество. После чего невеста опять причитала: “Пропила, видно, молода, / Да свою буйну голову / ... Да на пивной-то братынечке!”²⁰.

На девичнике перед выходом к жениху невеста, нарядившись, подходила и смотрела в стоящую рядом братыню с пивом, как в зеркало: “баско ли нарядилась”. У некоторых славянских народов зеркало во время свадьбы использовалось в качестве оберега. У южных славян невеста, одеваясь к венцу, клала себе за пазуху зеркальце, чтобы быть для своего мужа всегда ясной и чистой, как зеркало²¹. В данном случае пиво, видимо, заменяло зеркало и способствовало прочности отношений молодоженов или играло роль оберега. Брат невесты, взяв в правую руку братыню, в левую – свечу, выводил невесту в сопровождении родственниц к столу жениха. Сначала сторона невесты угощала пивом женихову родню, потом сторона жениха угощала вином родителей невесты. Это был самый важный момент последнего предсвадебного дня. Взаимные угощения двух сторон пивом означали бесповоротность свадьбы. После этого начинался настоящий пир – накрывали стол для приборяи, ставили несколько бочек пива. Все угощались пивом сами, “цедя” его в братыни²².

В день девичника совершали *обряд приплакивания*, в котором использовали пиво. В Тотемском у. обряд даже назывался “приплакивание к пиву”. Как пишет М.Б. Едемский, это было торжественное прощание невесты со своими знакомыми и одновременно знакомство с приборяи. Обычай заключался в том, что в девичьем углу горницы ставили стол с братыней пива и чашкой для денег. Невеста, стоя у стола,

подавала гостям на подносе пиво, охала и сама “приплакивала”, т.е. причитала, Впрочем, вместо нее это могли делать девицы или специально нанятые плачей²³.

Приплакивали гостей в определенной последовательности, которая везде была разной. На Верхней Кокшеньге приплакивали сначала близкую родню, потом парней. По данным М.Б. Едемского, на Кокшеньге близкую родню приплакивали на следующее утро – перед венцом. В г. Тотьме (как отмечал корреспондент РГО Е. Кичигин) невеста приплакивала своих подружек, а не молодых парней²⁴.

Каждого приплакиваемого называли по имени, “выпричитывали” ему приветливое слово и угощали от имени невесты: “Да здравствуй, здравстуй-ко, братеу-ко, / Тибе добро да пожаловать / Стакан пива-то пьяново, /... да со тово пива пьяново / Да не болит-то буйна глава, / Да не берет-то похмельицо”. Названный человек подходил к невесте, пил пиво и в благодарность клал ей в чашку от 5 до 15 коп, а невеста ему низко кланялась. Потом в тот же стакан наливали пиво следующему гостю. Если же он был из числа приборянь, его после приплакивания одаривали полотенцем. Затем невеста и жених подавали ему пиво, а он вытирался полученным подарком. В другом варианте приплакивания, распространенном в Шенкурском у., подруги невесты должны были вместо нее разливать пиво из братынь в стаканы и подносить молодым ребятам²⁵.

В г. Тотьме невеста, приплакивая своих подружек, подносила им пиво и причитала: “Вы попейте подруженьки / Моего пива пьяного / на горе-горьком девишнице-ке...”. Каждая подружка пила пиво и закусывала пирогом, потом выходила из-за стола и причитала: “Слава Христу, Слава Небесному! / Я поела, да покушала / И напилась пива пьяного, / Со своим со приборяньми / И со подружками – голубушками”²⁶. На девичниках подруги невесты пили пиво в небольших количествах, меньших, чем мужчины и женщины. По словам корреспондентов, в Тотемском у. Вологодской и в Череповецком у. Новгородской губерний в редких случаях кто-то из девиц “напивался допьяна”. Они старались соблюсти приличия, чтобы их не увидели в таком виде, так как свои люди их стали бы бранить, а чужие – смеяться над ними²⁷.

После ухода всех гостей и жениха невеста просила мать собрать стол для своих подружек. Она усаживала их, угощала пивом, кланяясь в ноги, благодаря их таким образом за помощь²⁸.

В Вологодской губ. в доме жениха угощение пивом и вином происходило все последние предсвадебные дни. Жених после бани должен был угощать пивом сначала свою родню. Затем во время своей пропивки, жених угощал пивом родственников невесты. Во время застолья на середину стола ставили огромную ендыу с пивом. Хозяин дома рассаживал гостей и подавал им пиво в медных стаканах по принципу родства и старшинства²⁹. В Тотемском у. на Кокшеньге в предсвадебный день в доме жениха всегда угощали пивом, передавая братыню по кругу. Подносил пиво к столу обязательно хозяин, а гости сами разливали его. В зажиточных домах заготавливали много пива³⁰. Большое его количество, выставляемое на свадьбе, являлось предметом гордости и показателем зажиточности семьи жениха. Обычай передавать чашу с напитком вокругую имеет древнее происхождение и известен у многих народов³¹. В качестве такого объединяющего людей в братство напитка в России использовалось пиво, отсюда видимо и возникло название пивного сосуда – *братина*.

В д. Жидовиново Шуйской вол., в Ведерниковской и Авнежской вол. Грязовецкого у. Вологодской губ. было принято, чтобы в последнее посещение перед венчанием жених и его дружка дарили невесте подарки, угощали ее пряниками и пивом. Это посещение, скорее всего, имело целью с помощью угощения и подарков преодолеть отчужденность между женихом и невестой. В XIX в. порой еще могли насильно выдавать девушку замуж за незнакомого ей человека из другой волости. Придя в дом невесты, *дружка* (холостой товарищ или брат жениха) подносил ей стакан пива, на дне которого лежали деньги, а она в ответ ему запевала: “Не хочу пива пьянова / Я не пью зелена вина”. В конце концов, невеста пила пиво и угощала им подружек, а

деньги со дна стакана забирала себе³². После этого невеста символически покорялась жениху и принимала от него остальные подарки. Затем жениху тоже подавали пиво.

В день свадьбы, когда жених приезжал за невестой, опять начинались взаимные угощения пивом сторон жениха и невесты и вручение подарков. Все это помогало наладить хорошие, дружественные отношения двух сторон. Жениха перед домом встречал дружка невесты с братиной пива и подарком (*даринной*). Затем он подходил к дружке жениха и подавал ему пиво: “Прошу покорно пивка покушать!” – “Кушайте-ко сами”, – отвечал дружка жениха. “Я как пиво-то приму, дак чем же уста-то оботру? – мне дарина надо!” – “Ищите дарины”. Найдя дарину, дружка жениха пробовал пиво. Затем дружка невесты угощал всех приборян пивом и вел всех в дом, держа в руках братиню с пивом.

Крестьянское общество делилось на половозрастные группы. Невеста, выходя замуж, уходила из своей группы незамужних девушек и переходила в новую – молодых женщин. За это ее подруги требовали выкуп от сопровождающих жениха, не пускали их к столу. Дружка жениха со сватьей давали выкуп в виде пива, пытаясь задобрить девиц. Но девушки не сразу соглашались уступить. Желая взять у стороны жениха побольше пива и пряников, девицы за столом пели жениху и невесте припевку “Малое винограде” (обрядовая свадебная песня на Севере): “...Сидят бояра да князья / Они на ноги вставали / Да чашу наливали, / Чашу пива наливали / Да Олѣксандре подавали. / Олѣксандра приняла, / Столько до губ донесла, / А до губ-то донесла, / Со тово стала пьяна, / Со тово стала пьяна / Да сама спать ушла... / Нам по рюмочке винца / Да по братынечке пивца...”. После песни *тысяцкый* (дядя или крестный жениха) был вынужден дать девушкам еще братиню пива и пряников³³.

В Кокшеньге молодых после венчания встречали в сенях отец и мать жениха и тысяцкий, держа в руках сосуд с пивом. Начинаясь свадебный пир, на котором подавали пива еще больше, чем в предсвадебные дни. Бочки с пивом устанавливали под полаты (помост в избе от печи до противоположной стены), откуда их доставали по мере надобности. В Вологодской губ. на столы обязательно ставили братини и ковши с пивом. В ходе свадебного пира невеста припевала и угощала пивом сначала своих родных, а потом всех подруг, каждой из которых она пела: “Подойди, моя голубушка! / Тебе рюмочка вина зеленого, / Тебе стакан пива пьяного”. В Кокшеньге за столом отец жениха снимал с невесты фату и обращался к окружающим: “Хвалите молодую, дак пива бочка!” – “Хороша, хороша!” – кричали в избе и угощали ее пивом³⁴. Слова отца жениха могли означать призыв к гостям хвалить красоту молодой, за что он им обещал подарить бочку пива. Возможно, это было сравнение красоты невесты с таким качеством пива, как свежесть, молодость или крепость, а бочка ассоциировалась с дородностью невесты.

Во время свадьбы в Сольвычегодском у. Вологодской губ. жених угощал братиной пива невесту и ее подруг. Дружка жениха, выйдя из *кути* (как правило, это кухня) с *подружьем* (товарищами, друзьями), обращался ко всем присутствующим со словами: “Уж вы игричи, пивичи... / Пропустите от нашего князя... / Вот вам за то чашечка пивча / За добрыя сердца... / Извольте принять, не посердitchа / Принимайте за мало, / Почтите за благо”. В речи дружка нахваливал пивоваров жениха, его утварь для пивоварения, хмель, солод и само пиво: “На нашем пиве пены клубук / Не можно продуть!” (обильная пена и в наше время считается признаком высокого качества пива), “медом наживлено” (в русское пиво с давних пор помимо хмеля могли добавлять мед, патоку), “пивцо как суслечо!”, т.е. сладкое, как сусло, крепкое – “ножки подшибаютчя”³⁵. Речь дружки показывает, какое большое значение придавали на свадьбе хорошо сваренному, вкусному пиву. Качественное пиво свидетельствовало о хозяйственности и богатстве жениха и его семьи.

Через некоторое время после произнесения наговора начинали *опевать* (т.е. славить в песне) каждого гостя, кроме свата и холостых мужчин. Брат невесты обходил всех опетых, в том числе жениха, с ендовой пива, и все в благодарность бросали в нее

8Рис. 3. Бочка лагун. Конец XVIII в. Архангельская губ., Пинежский у., с. Покшеньга. Дерево. Гос. Исторический музей. Инв. № 64212 / К-995

копейки. Собранные из енды деньги отдавали девушкам, подругам невесты. Затем дружка произносил еще один наговор, подобный приведенному выше, и всех гостей снова обносили пивом³⁶.

На следующий день после венца устраивались *хлибины* у родителей новобрачной. Родители невесты встречали молодых хлебом, солью и пивом³⁷.

* * *

Крестины, именины, празднование рождения ребенка или новоселья были по народному сценарию, более простыми обрядами и обычаями, чем свадьба (и поминки, о которых – ниже). Это радостные праздники, веселье которых было немислимо без специально к ним сваренного пива. Данные о том, что пиво готовили в связи с рождением детей в семье, имеются в документах Тенишевского бюро. Корреспондент П. Городецкий писал в 1899 г., что во многих семействах с. Спасского Фетининской вол. Вологодского у. Вологодской губ. при рождении ребенка за несколько дней, не позже, чем “за полторы (дня. – Т.А.) начинается пивоварение”. В том доме, где родился ребенок, собирались родственники. Когда они шли на этот праздник, то говорили, что “идут с пупком”, т.е. несли в дом корзину пирогов, мяса, братину пива, бутылку вина и рюмку для праздничного обеда³⁸.

В этих же архивных материалах содержится информация другого корреспондента А. Голубцова о том, что в Семеновской вол. Грязовецкого у. Вологодской губ. почти в каждом крестьянском доме на крестины, именины и новоселье основным праздничным напитком для угощения гостей было пиво, которое также готовили заранее до начала торжества³⁹.

* * *

Приготовление пива было необходимо и для похоронно-поминального обряда, который выделяется среди остальных этапов жизненного цикла особой консервативностью⁴⁰. Как правило, он включал поминальный обед в день похорон и поминки по умершему на третий, девятый, двадцатый и сороковой день. В некоторых уездах пиво варили к первому поминальному обеду, а в других – на поминки сорокового дня.

По сообщению корреспондента Тенишевского бюро А. Власова, в Череповецком у. Новгородской губ. в поминальный день в храме заказывалась обедня по умершему, а потом устраивался поминальный стол. По сведениям И.А. Кремлевой, прежде на похоронах было очень мало хмельных напитков – они считались неуместными. В Сольвычегодском у. Вологодской губ. было принято после похорон устраивать поминальный обед не только для родных, но и для церковного причта и церковных сторожей с небольшим количеством пива: выставлялась *баклага* (*баклушка*) емкостью около ведра и бутылка вина⁴¹.

Во многих местностях, например, в Сольвычегодском у. Вологодской губ., а также в Белозерском, Тихвинском и Череповецком уездах Новгородской губ. поминки на сороковой день назывались *сорочины*. Корреспонденты Тенишевского бюро из Вологодской и Новгородской губерний отмечали, что собрать обильный стол на сорочины могли позволить себе далеко не все крестьяне. Только “зажиточные устраивают поминки еще в сороковой день. Для поминок не жалеют ничего”. Бедные крестьяне готовили простые пироги – “опекиши и ходили по избам”⁴².

В Череповецком у. Новгородской губ., как писал в 1899 г. корреспондент Тенишевского бюро А. Власов, бытовали народные представления о том, что покойник навсегда покидал свой дом только на сороковой день после смерти. *Красное место* в переднем углу за поминальным столом специально оставляли не занятым. Считалось, что “на нем... невидимо заседает и трапезует в последний раз в своем доме покойник, для чего перед пустым местом кладут ложку, ломоть хлеба, кусок пирога и ставят кружку пива”. В с. Устьнемское Устьсысольского у. Вологодской губ. на сороковой день две женщины с рыданиями и причитаниями провожали из дома ангела умершего родственника с пивом, хлебом и солью⁴³. Видимо, от этого обычая и ведет свое происхождение современная традиция ставить рюмку водки и класть кусок хлеба – “покойнику”. Гости на сорочинах пили пиво и вино, закусывая пирогами. Прежде чем выпить кружку пива и рюмку вина или начать есть поставленное кушанье, каждый гость крестился и вслух произносил: “Помяни, Господи, раба Божьего (имя)” или: “Дай, Господи, царство небесное рабу Божьему (имя)”⁴⁴.

По данным, собранным А. Власовым в Череповецком у., приготовление пива было исключительно мужским занятием и выполнялось хозяином дома, где проходили поминки. Он варил пиво за несколько дней до поминок. Во время поминального обеда хозяин сам подавал его на стол⁴⁵.

На поминках нередко пиво дополнялось еще другими напитками, “вином” (водкой) и чаем. В Сольвычегодском у. на поминках пили и пиво, и вино. В Вологодском у., помимо чая, пили “деревянное” сусло. Видимо, это то же самое, что и “деревенское сусло”, для приготовления которого на полдня клали в ушат с водой пять фунтов солодкового корня. “Деревянное” сусло пили за обедом вместо воды. В Череповецком и Тихвинском уездах Новгородской губ. на поминки варили пиво и покупали водку, в Белозерском у. той же губернии крестьяне на поминках в сороковой день употребу-

ляли чай, пиво и водку⁴⁶. Однако пива на поминальном столе было значительно больше, чем водки, поэтому его можно считать основным поминальным напитком того времени. Как правило, его варили до 20–30 ведер, в то время как водки покупали в зависимости от достатка крестьянина – от четверти ведра до одного–двух ведер⁴⁷.

Для народных поминаний характерно представление о связи живых и мертвых⁴⁸, поэтому особого внимания заслуживает следующий архаичный обычай, связанный с пивом: в Тотемском у. Вологодской губ. (по сообщению И. Голубева) в дни поминовения умерших родственники приходили на могилы и поливали их пивом⁴⁹. Таким образом, родные угощали покойника пивом и делали его участником трапезы, совместной с живыми людьми.

С особой осмотрительностью совершали таинство соборования (помазание тела умирающего) над еще не старым человеком, потому что в случае выздоровления жизнь “наполовину отпетаго”, по народному обычаю, подвергалась существенным ограничениям. Тому, кто выздоравливал, можно было носить только темную одежду, не дозволялось есть мясо, вступать в брак, участвовать в свадебных кортежах, в веселых компаниях, а также ему нельзя было пить пиво и вино⁵⁰.

* * *

Пиво было обязательным напитком на проводах деревенских парней в рекруты. Это отмечали корреспонденты Тенишевского бюро в конце 1890-х годов в Грязовецком и Вологодском у. Вологодской губ., в Белозерском у. Новгородской губ.⁵¹

Призыв “к отбыванию воинской повинности” объявлялся ежегодно волостным старшиной во второй половине октября. Двадцатидвухлетние молодые люди ехали в уездный город тянуть жребий. Те, кому он выпадал, становились рекрутами, их отпускали домой в родную деревню на трехнедельную “побывку”. Ко времени жеребьевки или вскоре после нее родители и все остальные родственники устраивали угощение для сына-рекрута и его товарищей и заранее начинали варить домашнее пиво⁵².

Во время побывки родители обходились с сыном-рекрутом более ласково, чем обычно, освобождали его от домашних работ, и даже не обращали внимания на его “разгул”. Крестьяне говорили: “Ой, да что это за рекрут, коли вина не пьет, какой он солдат!” и всячески способствовали тому, чтобы будущие солдаты вели себя в последний год, как и “следует рекрутам”. Корреспондент Тенишевского бюро П. Городецкий писал в 1899 г., что в Вологодском у. Вологодской губ. мало непьющих рекрутов, для них было законом “пить и веселиться”. Порой молодые люди еще за год до призыва начинали себя считать рекрутами и вести себя соответствующим образом⁵³.

К тому дню, когда деревня окончательно “спущала” своих новобранцев на службу, варило много пива. Посмотреть на *проводины* и проститься с парнем из своей и других деревень приходили свои и чужие. В Грязовецком у. Вологодской губ. к этому дню варили *корчажное пиво* (сваренное в глиняной *корчаге* в печи), которым новобранец должен был обносить своих гостей-провожающих, за что те одаривали его в благодарность деньгами на дорогу, “кто даст 5 коп., кто 10–20, а иной и весь рубль”. Заканчивался прощальный обед благословением рекрута родителями⁵⁴.

Хотя в других архивных материалах по данной теме не уточняется способ пивоварения, есть основания утверждать, что обычно на “проводины” в рекруты пиво варили на пивоварне, а не в глиняной корчаге в печи. В пользу этого довода свидетельствует большое количество гостей, приглашенных проститься с рекрутом. Это было возможно сделать только на пивоварне, так как варить пиво дома в небольшом количестве по несколько раз в корчаге – нецелесообразно. Данное предположение подтверждается и современными материалами. Во время моих полевых исследований в 1999 г. в Вельском р-не Архангельской обл. обнаружилось, что до сих пор на

Рис. 4. Ковш для пива московского типа. XIX в. Вологодская губ., Вельский у., Чадроновская вол., д. Беляевская. Дерево. Гос. Исторический музей. Инв. № 67591 / К-1540

проводы призывников в армию местные жители варят пиво на собственной пивоварне или заказывают это сделать местному пивовару. По материалам ВОЙСК из Кадниковского у. Вологодской губ., выбор способа пивоварения зависел также и от состоятельности семьи: “Более состоятельные люди варят пиво на чане, менее состоятельные варят его в корчагах”. В Грязовецком и Вологодском уездах Вологодской губ., в Белозерском у. Новгородской губ. на “проводинах” рекрутов, помимо пива, пили чай и немного водки (“вина”)⁵⁵.

Проводы в армию будущего солдата заканчивались тем, что его родные и друзья в последний раз перед разлукой объединялись за трапезой и все по очереди пили пиво, возможно, из передававшейся “круговой” чаши. Подобную роль прощального напитка пиво играло и на свадьбе.

* * *

Итак, взаимное угощение пивом родни жениха и невесты закрепляло договоренности о браке, способствовало более близкому знакомству будущих родственников. Пиво помогало преодолению отчужденности между женихом и невестой, способствовало их сближению, прочности их отношений и, возможно, во время свадьбы играло роль оберега. Большое количество и хорошее качество пива, выставленного на свадьбе, были предметом гордости жениха, показателем его богатства и хозяйственности. Вкусно сваренное пиво оберегали от порчи и считали приметой будущей счастливой жизни молодых.

В похоронном обряде пиво было одним из основных поминальных напитков. Оно объединяло живых и мертвых людей за общей трапезой.

Проводы в рекруты, поминки – печальные события в жизни, когда требовалась поддержка всех родных и знакомых. Во всех печальных или радостных жизненных случаях пиво играло в одних роль прощального напитка, объединявшего близких людей за последней трапезой, в других – способствовало веселью за круговой пивной братиной. На Русском Севере пиво было напитком, без которого люди не могли себе представить ни одно важное семейное событие. Оно создавало соответствующее поводу настроение и помогало общению людей.

Примечания

- ¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902. С. 930–931; Ключевский В.О. История русского быта. М., 1995. С. 13; Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840. С. 60.
- ² Домострой. СПб., 1994. Гл. 49. С. 55. См. также Гл. 46. С. 117.
- ³ Андреева Т.Б. Пивоварение на Русском Севере в конце XVIII – начале XX в. (На примере коллекции утвари ГИМ) // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2000. Вып. 121; Она же. Домашнее пивоварение на Русском Севере в конце XX века (по итогам экспедиций в Архангельскую область) // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001; Она же. Севернорусская утварь для приготовления пива (из собрания ГИМ) // Важский край: источниковедение, история, культура. Вельск, 2002.
- ⁴ Едемский М.Б. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда. Вологда, 2002; Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губ. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России // Изв. Императорского об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. LXIX (Тр. Этнограф. отд. Т. XI. Вып.1). М., 1890; Ордин Н.Г. Свадьба в подгорных волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина (далее – ЖС). Вып. 1, год VI. СПб., 1896; Волков И.В. Свадебные причеты, записанные крестьянином (Вологодской губ., Грязовецкого у.) часто бывавшего свагом // ЖС. Год XIV. Вып. 1, 2. СПб., 1905; Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба: свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский р-н Вологодской области). М., 1985; Макашина Т.С. Свадебный обряд // Русский Север. Этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2001. С. 473–574; Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей // Там же. С. 575–660; Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские: народная культура (история и современность). Т.3. Семейный быт. М., 2000. С. 231–265; Громыко М.М., Бузанов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000; Воронина Т.А. Пивоварение и связанные с ним традиции праздничного застолья в Вологодской губернии в конце XIX века // Важский край: источниковедение, история, культура. Вельск, 2002.
- ⁵ Архив Русского Этнографического музея (далее – АРЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 130. Л. 34. 1899 г.
- ⁶ Архив Русского Географического Общества (далее – АРГО). Р. I. Оп. 1. Д. 48. Л. 13 об. 1886 г.; Д. 54. С. 31 (информант Штерн. 1854 г.); АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 353. Л. 16. (информант А. Жуков. 1898 г.); Д. 693. Л. 47. (информант Е.И. Иванов. 1899 г.); Д. 697. Л. 36. (Е. Иванов. 1899 г.).
- ⁷ Макашина Т.С. Указ. соч. С. 481–482.
- ⁸ Яндова или ендова – медный сосуд в виде большой чаши с носиком.
- ⁹ АРГО. Р. I. Оп. 1. Д. 48. Л. 12 об. (1886 г. Архангельская губ. Шенкурский у.); Д. 54. С. 31. 1854 г. (информант Штерн. Архангельская губ. Шенкурский у.); Р. VII. Оп. 1. Д. 15. Л. 82. (информант Е. Кичигин. Вологодская губ. г. Тотьма); Едемский М.Б. Указ. соч. С. 24; Дурасов Г.П. Народная пища Каргополья (по материалам XIX–XX вв.) // Сов. этнография. 1986. № 6. С. 88; Воронина Т.А. Указ. соч. С. 75.
- ¹⁰ АРГО. Р. VII. Оп. 1. Д. 15. Л. 87 об.–88. (информант Е. Кичигин. Вологодская губ. г. Тотьма); Иваницкий Н.А. Указ. соч. С. 73; Липинская В.А. Пища (XII–XX века) // Русские. М., 1997. С. 379.
- ¹¹ АРГО. Р. XXIV. Оп. 1. Д. 24. Л. 4. (информант Ф.Ф. Пардалоцкий. 1878 г. Новгородская губ.)
- ¹² Двоевара хмельная, двоеварное пиво – пиво, дважды переваренное со свежим хмелем. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989. С. 419; Едемский М.Б. Указ. соч. С. 61.
- ¹³ Едемский М.Б. Указ. соч. С. 41, 46.
- ¹⁴ АРГО. Р. VII. Оп. 1. Д. 15. Л. 88 об.–90 об. (информант Е. Кичигин. Вологодская губ. Тотемский у. г. Тотьма); Кичин В. Свадебные обряды в Васьяновской вол. Кадниковского у. // Вологодские губернские ведомости. 1860. № 53. С. 374.
- ¹⁵ АРГО. Р. VII. Оп. 1. Д. 15. Л. 88 об.–90 об. (информант Е. Кичигин. Вологодская губ. Тотемский у. г. Тотьма); Даль В. Указ. соч. Т. 2. М., 1989. С. 492.
- ¹⁶ Туйсок, тус, бурак – берестяная кубышка с плотной крышкой. См.: Даль В. Указ. соч. Т. 4. М., 1991. С. 440.
- ¹⁷ Братней или братиной во многих местах Русского Севера в XIX в. и до настоящего времени называются ендова.
- ¹⁸ Едемский М.Б. Указ. соч. С. 53, 54, 76.
- ¹⁹ Макашина Т.С. Указ. соч. С. 511.
- ²⁰ Едемский М.Б. Указ. соч. С. 60–61, 64, 68, 70, 72.
- ²¹ Толстая С.М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 121.
- ²² Едемский М.Б. Указ. соч. С. 76–77, 82–83.
- ²³ Едемский М.Б. Указ. соч. С. 83–85, 87–88, 95–96; АРГО. Р. VII. Оп. 1. Д. 15. Л. 97–97 об.; Там же. Р. I. Оп. 1. Д. 54. С. 36 (информант Штерн. 1854 г. Архангельская губ. Шенкурский у.); Балашов Д.М. и др. Указ. соч. С. 25, 146–147.
- ²⁴ Едемский М.Б. Указ. соч. С. 83–85, 87–88, 95–96; АРГО. Р. VII. Оп. 1. Д. 15. Л. 97–97 об.; Балашов Д.М. и др. Указ. соч. С. 146–147.
- ²⁵ Едемский М.Б. Указ. соч. С. 83–85, 87–88, 95–96; АРГО. Р. I. Оп. 1. Д. 54. С. 36 (информант Штерн. 1854 г. Архангельская губ. Шенкурский у.)
- ²⁶ АРГО. Р. VII. Оп. 1. Д. 15. Л. 97–97 об.
- ²⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 353. Л. 16–17 (информант А. Жуков. 1898 г.); Д. 822. Л. 3 (информант А. Влахов. 1898 г.).

²⁸ Едемский М.Б. Указ. соч. С. 83–85, 87–88, 95–96.

²⁹ Воронина Т.А. Указ. соч. С. 74; Макашина Т.С. Указ. соч. С. 520 (сведения из Ухтомской вол. Кадниковского у.).

³⁰ Едемский М.Б. Указ. соч. С. 62.

³¹ Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990. С. 149.

³² Макашина Т.С. Указ. соч. С. 496, 500; Балашов Д.М. и др. Указ. соч. С. 21.

³³ Едемский М.Б. Указ. соч. С. 98–100, 118–120.

³⁴ Там же. С. 125–126.; Иваницкий Н.А. Указ. соч. С. 73, 81.

³⁵ Ордин Н.Г. Указ. соч. С. 101.

³⁶ Там же. С. 107, 108, 113.

³⁷ Едемский М.Б. Указ. соч. С. 128.

³⁸ Листова Т.А. Указ. соч. С. 615.

³⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 173. Л. 34 об. 1899 г.

⁴⁰ Кремлева И.А. Указ. соч. С. 231, 233.

⁴¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 835. Л. 13 об. 1899 г.; Д. 337. Л. 69–71. 1899 г.; Кремлева И.А. Указ. соч. С. 248; Бакалага – фляга или вид деревянной бочки. См.: Даль В. Указ. соч. Т. 1. М., 1989. С. 40.

⁴² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 693. Л. 47 (информант Е.И. Иванов. 1898 г.); Д. 337. Л. 71 (1899 г. Вологодская губ., Сольвычегодский у.); Д. 736. Л. 10, 11. (1898 г. Новгородская губ., Тихвинский у.); Д. 835. Л. 13 об., 14 об. (1899 г. Новгородская губ., Череповецкий у.); Д. 307. Л. 12. (1898 г. Вологодская губ., Никольский у., Подболотниковская вол.)

⁴³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 835. Л. 14; ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 81. Л. 5 (информант А. Фролов. Устьысольский у. До 1885 г.).

⁴⁴ Там же. Д. 835. Л. 14.

⁴⁵ Там же. Д. 835. Л. 13 об.–14. (информант А. Власов. Новгородская губ. Череповецкий у. 1899 г.)

⁴⁶ Там же. Д. 154. Л. 49. (информант В. Соколов. 1899 г. Вологодская губ. Вологодский у., Норовская и Попадьянская вол.); Д. 337. Л. 71. (информант Н. Кириллов. 1899 г. Вологодская губ. Сольвычегодский у.); Д. 693. Л. 47. (информант Е.И. Иванов. 1898 г. Новгородская губ. Белозерский у.); Д. 736. Л. 11. (информант С. Закатов. 1898 г. Новгородская губ. Тихвинский у.); Д. 835. Л. 13 об. (информант А. Власов. 1899 г. Новгородская губ. Череповецкий у.)

⁴⁷ АРЭМ. Ф. . Оп. 1. Д. 307. Л. 12. (информант М. Пшеницын. 1898 г. Вологодская губ. Никольский у., Подболотниковская вол.); Д. 835. Л. 13 об. (информант А. Власов. 1899 г. Новгородская губ. Череповецкий у.); Д. 134. Л. 8. (информант Н. Журавлев. Вологодская губ. Вологодский у. 1899 г.)

⁴⁸ Громыко М.М., Буганов А.В. Указ. соч. С. 13.

⁴⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 339. Л. 45. (информант И. Голубев. 87 1898 г.)

⁵⁰ Там же. Д. 835. Л. 5. (Новгородская губ., Череповецкий у.)

⁵¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 206. Л. 1 об. (информант М. Пшеницын. Вологодская губ., Грязовецкий у.); Д. 130. Л.12, 32. (информант П. Городецкий. 1899 г. Вологодская губ., Вологодский у., Фетининская вол. с. Спасское); Д. 685. Л. 4–5. (информант В.И. Иванов – школьный учитель Новгородской губ. Белозерского у. с. Край. 1898 г.); Д. 693. Л. 47. (информант Е.И. Иванов. 1898 г. Новгородская губ., Белозерский у.); Д. 694. Л. 7. (информант Е. Иванов. 1898 г. Новгородская губ., Белозерский у.)

⁵² АРЭМ. Ф.7. Оп. 1. Д. 685. Л. 1, 4. (информант В.И. Иванов. 1898 г. Новгородская губ. Белозерский у.); Д. 206. Л. 1. (информант М. Пшеницын. Вологодская губ. Грязовецкий у.)

⁵³ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 1, 4; Д. 694. Л. 6, 7. (информант Е. Иванов. 1898 г. Новгородская губ., Белозерский у.); Д. 130. Л. 12–13. (с. Спасское Фетининской вол. Вологодского у.)

⁵⁴ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 206. Л. 1. об. (информант М. Пшеницын. Вологодская губ. Грязовецкий у.); Д. 694. Л. 7–7 об.; Д. 685. Л. 4–5; Д. 130. Л. 32.

⁵⁵ Северный историко-этнографический отряд Русской экспедиции ИЭА РАН. Полевые материалы автора. Ноябрь 1999 г. Дер. Селютинская Вельского р-на, Архангельской обл. Записано со слов С.И. Сухановского (1928 г. р.); Гос. архив Вологодской обл.. Ф. 652. Оп. 1. Д. 68. Л. 2 об. (информант Ив. Пр-ский. Сельский праздник. Этнографический очерк Кадниковского у. 1860-е годы); АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685. Л. 4–5; Д. 693. Л. 47; Д. 694. Л. 7 об.; Д. 130. Л. 13, 32; Д. 206. Л. 1 об.

T.B. Andreyeva. Beer in Customs and Rituals of the Peasants of Northern Russia of the XIXth Century

Home-made beer played an important part in many events in the peasant's life, both happy, such as birthday and christening celebrations, birth of a child and house-warming parties, and sad, such as a recruit seeing-off or a funeral repast. In the first case it contributed to joint merriment by a loving-cup, and in the second it united close kin (both dead and alive) during their last meal. For such populous events as a recruit seeing-off, a wedding, or a funeral repast beer was mostly brewed at a brewery, and for less crowded occasions it was prepared at home, in a earthenware pot in an oven.

Beer had a special meaning in wedding rituals. Large quantity of well brewed beer, specially prepared for a wedding, was the object of fiancé's pride, and a sign of his wealth. Regular and mutual treating to beer between groom's and bride's relatives greatly contributed to securing the marriage agreement, to better personal connections among relatives from both sides, and to getting over the estrangement between a groom and a bride, to stability of their relationship.